

В.Э. Борисов-Мусатов.
Сон божества. 1904–1905

Анна Акимова*

Образ усадьбы в «Сочинениях» А.Н. Толстого 1910-х гг.**

Ключевые слова: А.Н. Толстой, «усадебный текст», собрание сочинений, проблема циклизации

Keywords: A.N. Tolstoy, «estate text», collected works, the problem of cyclization

На примере ряда рассказов, составивших разделы третьего тома «Сочинений» А.Н. Толстого, вышедших в 1910-е гг. («По пути», «Призраки», «Минувшее»), рассматриваются приемы создания художественного образа усадьбы, его трансформация и семантические связи. Усадьба у Толстого становится не только местом действия событий, но композиционным и семантическим центром, определяющим расстановку действующих лиц, художественные приемы и интертекстуальные связи произведения. При создании ее образа писатель опирался на собственные воспоминания и дневниковые записи, а также на традицию изображения усадьбы русской классической литературой.

The methods of creating an artistic image of the estate, its transformation and semantic connections are considered in the article on the example of the stories of the third volume of *Works* by A.N. Tolstoy divided into parts *On the way*, *Ghosts*, *The Past*. The estate becomes not only the scene of events in Tolstoy's prose, but also a compositional and semantic center that determines the placement of characters, artistic techniques and intertextual connections. Creating image of estate the writer relied on his own memories and diary entries, as well as on the tradition of depicting the estate in Russian classical literature.

В 1910–1912 гг. вышли тома двух собраний сочинений молодого писателя А.Н. Толстого: «Сочинения» в 2 книгах (СПб., Шиповник, 1910–1912) и в 10 томах (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1912–1918). О Толстом стали писать как о ярком даровании в новейшей литературе, талантливом рассказчике, в описаниях которого «много силы и живости» (Л. Войтоловский): «Он наделен психологической проницательностью, легко разгадывает характеры и, по-видимому, крепко удерживает в памяти человеческие лица и человеческие фигуры. Язык его отличается меткостью, простотой, и хотя недостаточно сжат, но очень колоритен» [5, с. 313].

В первый том «Сочинений» А.Н. Толстого (впервые: СПб., Шиповник, 1910; переизд.: М.: Кн-во писателей в Москве, 1912) под общим заглавием «Заволжье» вошли следующие повести и рассказы: «Заволжье», «Неделя

* Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук».

akimova@mail.ru

** Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00129).

в Туренева», «Аггей Коровин», «Архип», «Два друга», «Сватовство». В сборник 1923 г. «Под старыми липами» (М.; Пг.: Гос. изд.) некоторые из этих произведений вошли с измененными заглавиями и в переработанном виде: «Мишука Налымов» (перераб. «Заволжье»), «Петушок» (перераб. «Петушок. (Неделя в Туренева)»), «Мечтатель» (перераб. «Мечтатель (Аггей Коровин)»), т.е. самые первые повести, посвященные изображению усадеб и их обитателей — помещиков-самодуров. На протяжении всего XX в. как отечественные, так и западные литературоведы писали о Толстом-бытописателе «разрушенных или полуразрушенных помещичьих гнезд, сохранившихся поныне последних могикан старого барства с их широким размахом, дикой удалью и причудами...» [7, с. 327], основываясь исключительно на анализе повестей из цикла «Заволжье».

В 1939 г. Б.В. Михайловский писал: «Сатирически изображенному им распадающемуся, отмирающему миру патриархальной усадьбы <...> у Толстого противостоит чувство здоровой стихийной жизни природы и человека. Его сатира лишена мрачности. Хотя Толстой лишь в зародыше намечает положительные начала, сатира его оптимистична. Герои Толстого уходят в небытие, в безумие, но он дает почувствовать за всем этим торжество жизни, освобождающейся от этих живых мертвецов <...> Путь к освобождению от мерзости и тлена отмирающего стародворянского мира Толстой на этом этапе своего творчества видел в искуплении, моральном очищении, преобразении через страдание и любовь» [8, с. 352–353].

Мнение советского критика разделял итальянский славист Этторе Ло Гатто: «Герои более или менее странные, т.е. вне обычной морали и разума, действительно, заполняют все страницы его произведений, цель которых заключается в изображении русского провинциального дворянства, распущенного, чудачкаватого, невежественного, напоминающего мир, названный в середине XIX века Островским “самодурство”» [14].

Из рассказов второго тома к «усадебным текстам» Толстого можно отнести следующие: «Чудаки» и «Ночь в степи» [о последнем см.: 1]. Наиболее интересными и менее изученными являются рассказы третьего тома, составившие

В 1939 г. Б.В. Михайловский писал: «Сатирически изображенному им распадающемуся, отмирающему миру патриархальной усадьбы <...> у Толстого противостоит чувство здоровой стихийной жизни природы и человека. Его сатира лишена мрачности. Хотя Толстой лишь в зародыше намечает положительные начала, сатира его оптимистична. Герои Толстого уходят в небытие, в безумие, но он дает почувствовать за всем этим торжество жизни, освобождающейся от этих живых мертвецов <...> Путь к освобождению от мерзости и тлена отмирающего стародворянского мира Толстой на этом этапе своего творчества видел в искуплении, моральном очищении, преобразении через страдание и любовь»

три раздела: «По пути», «Призраки» и «Минувшее». В первый раздел тома «По пути» вошли рассказы: «Эшер», «Прогулка», «Страница из жизни», «И на старуху бывает проруха», «Трагик», «Барон». Второй — «Призраки» — составили рассказы «Егорий — волчий пастырь», «Американский подводный житель», «Синее покрывало» и «Фавн».

В заключительный, третий, раздел «Минувшее» вошли рассказы «Портрет», «Смерть Налымовых», «Однажды ночью», «Девушки», «Катенька. (Из записок офицера)», «Соревнователь» и «Яшмовая тетрадь», «Злосчастный». Рассказы третьего тома объединены авторским отношением к художественной действительности, а не волей редактора или составителя и отражают основные тенденции творчества Толстого периода 1910-х гг.: в произведениях о поместном дворянстве писатель продолжает традицию русской классической литературы XIX в., с одной стороны, с другой — поиск новых тем и героев свидетельствует о желании показать современную действительность.

Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького, музей-усадьба Алексея Толстого (Самара, ул. Фрунзе, 155)

Разнообразные по тематике рассказы, с точки зрения критики, объединял герой: «...их социальное положение неопределенно, мировоззрение неясно», — писал Ю.А. Крестинский [6, с. 77]; «...это чаще всего — одинокий, никому не нужный, опустившийся неудачник, жалкий, чуть смешной чудак, находящийся иной раз на грани безумия», — отмечала Л.М. Поляк [9, с. 90].

Деление на разделы, подобно циклизации, является особым художественным приемом, благодаря которому произведение может функционировать и как самостоятельная художественная единица и в контексте цикла, обретая новые смыслы [подробнее см.: 4]. Таким образом, изучение структуры третьего тома, структурно-семантический анализ рассказов в составе тома и разделов, а также выявление смысловых связей между ними поможет проследить развитие общих для тома мотивов и образов.

Одним из сквозных образов третьего тома является образ усадьбы. Его развитие и обогащение новыми смыслами происходит в рассказах третьего раздела, озаглавленного «Минувшее», местом действия которых (за исключением одного рассказа («Катенька. (Из записок офицера)»)) является дворянская усадьба, что позволяет проследить развитие единого сюжета и выявить общность лексических и образно-метафорических элементов в его создании.

Рассказы первого раздела («По пути»), действие которых происходит в усадьбе (на ху-

торе или в деревне), носят автобиографический характер. Рассказ «Страница из жизни» (в 1929 г. озаглавлен «Логутка») был основан на детских воспоминаниях о голоде в Поволжье в 1891–1893 гг. Материалом для рассказа «Барон» послужили записи Толстого 1911 г.: «Барон. Рассказ Топачевского. Высок, худ, строен, лицо римское, брат знаменитый генерал, мать в зап<адном> крае, посылает ему 200 в год. Барон только охотится. Передвигается только пешком; очень вежлив, скромн и, когда играет в карты с дамами, всегда проигрывает, хотя бы на руках были голые козыри <...> Барон получил наследство. По смерти матери барон получил 15 тысяч наследства. Купил ружей и страшно закутил <...> Когда барон прожил деньги (очень скоро) поступил в садовники, потом пропал. (Когда Топачевский рассказывал, вошла его жена и, улыбаясь, вспомнила, как она и сестры шутили над бароном, а он во всем уступал)» [2, с. 289–290].

Рассказ «Трагик» был написан в апреле 1913 г. во время пребывания Толстого в Париже, но в его основе — случай, произошедший с И.С. Платоном, режиссером Малого театра, записанный Толстым в дневнике в период между 3 декабря 1912 — 13 февраля 1913 г.: «Вечер у Кругликовых. Рассказ Платона о том, как он приехал в подмосковное имение, в старинный дом; была натоплена (открыта) одна комната, в ней жил бывший актер, брат хозяина. По стенам бут<афорское> оружие, костюмы. На окошке бутылки. Он полупьяный, с ним деревенская девка. Днем он катается на коньках по льду в зале. Был выпущен из театр<альной> школы, не попал в императорский <театр>. Уехал в провинцию, все промотал. Спился» [2, с. 305].

Действие рассказа также происходит в нотапливаемом усадебном доме, за которым присматривает родственник хозяев, промотавшийся актер-трагик, Иван Степанович Кривичев (в первой публикации в газете «Русские ведомости» [10] — Хлюстов). В угловой комнате, которую он топил книжками, заблудившийся путешественник видит «ведерные бутылки с наливкой» на подоконниках (ср. в записи: «На окошке бутылки»), на стенах — «один над другим <...> пестрые костюмы, латы и плащи...» [13, с. 56] (ср.: «По стенам бут<афорское> ору-

жие, костюмы»). Писатель работал над рассказом для третьего тома «Сочинений». Он убрал вступление, в котором описывалось заброшенное имение Чувашки с вырубленным садом и полуразрушенным домом, а также разгоревшийся из-за него конфликт между двумя семействами — Бабычевых и Кривичевых; внес правку в образ обитателей имения, а также в описание интерьера.

Вместо фразы «Освещая фонариком, я увидел между колонками внутри, за медной сеткой шкафы, полные книг; дверцы одного пустого были раскрыты, и на полу валялось несколько томов...» [10, с. 3] стало «Освещенные фонариком, появились между колонн шкафы, полные книг; дверцы одного были раскрыты, и на полу валялось несколько томов...» [13, с. 54–55]. Сокрытие деталей («внутри, за медной сеткой»), повторов («пустого») и личного предложения («я увидел») придают описанию запущенного пустынного дома драматизма, превращая его в субъект повествования.

Литературную основу имеют рассказы третьего раздела («Минувшее»). Рассмотрим рассказ «Девушки», который, как и «Трагик», после 1918 г. автором не включался в собрания сочинений. В центре повествования рассказа «Девушки» — усадьба Липки и ее обитатели: тетушка, Анна Матвеевна, и ее племянницы, сестры Перовы, красавицы Варя и Анюта.

Их уединение нарушает прибывший в губернию из Петербурга поручик в отставке Иван Васильевич Кремер. Подогреваемый разговорами о женщинах «нечеловеческой красоты», любопытством и пари, он придумывает деловой предлог и отправляется в Липки. В описании усадьбы и ее обитателей заметно влияние И.А. Гончарова. Интерес к его прозе мог быть вызван рядом мероприятий, связанных с празднованием 100-летнего юбилея со дня рождения писателя. Как и в романе Гончарова, в начале рассказа Толстой дает краткую характеристику провинциального губернского города, живущего слухами и сплетнями. Основное же действие перенесено в усадьбу. Упоминание видневшейся беседки не случайно: она отсылает к беседке-ротонде — месте свиданий Веры и Марка Волохова в романе Гончарова «Обрыв». Также это могло быть связано с юбилейными торжествами: 6 (18) июня 1912 г. в Винновке, имении

Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького, музей-усадьба Алексея Толстого (Самара, ул. Фрунзе, 155)

дворянского рода Киндяковых, по заказу последней его представительницы, Е.М. Перси-Френч, по проекту архитектора А.А. Шодэ была открыта беседка-ротонда в дорическом стиле с четырехгранным обелиском. Замысел романа «Обрыв» возник у Гончарова именно в усадьбе Киндяковых, где писатель гостил летом 1849 г., а прообразом усадьбы Бориса Райского Малиновка послужило имение Киндяковых.

Таким образом, упоминание беседки и описание дороги героя, связывает рассказ «Девушки» Толстого с романом Гончарова «Обрыв». Помимо аллюзии сюжетного уровня — неожиданный приезд незнакомого мужчины в усадьбу, где уединенно живут девушки-сироты и их тетушка (у Гончарова — бабушка), Толстой активно использует текстовые аллюзии. «Чорт возьми, а вдруг они — рожи!» [13, с. 141], — думает Кремер, подъезжая к усадьбе Липки (ср.: «...барышни в провинции! немного страшно: может быть уроды!» [3, с. 122] — думает Райский накануне отъезда).

Одним из приемов создания достоверного описания дворянского быта и происходящих в усадьбе фантастических событий являет-

ся форма старинных преданий или тревожных предчувствий как, например, в рассказе «Смерть Налымовых». Приезд и неожиданную смерть молодого барина в родовом гнезде предваряют тревожные предчувствия камердинера Глеба: «Вздрагивает налымовский дом; оторванная ветром, хлопает железная крыша; не видно служб; цепляясь за шумливые кусты, волокутся тучи; далеко в лугах, разрываясь и слепя, ложатся круглые молнии и стелется сплошными завесами дождь.

— Темень, — говорит Глебушка, — нехорошо! <...> Глебушка отворяет дверь спальни, и с красного полога над кроватью срывается и улетает на бесшумных крыльях в раскрытое окно белая сова [она же — призрак покойной помещицы, бабки молодого барина, Анфисы] [13, с. 126–127].

В 1910-х гг. Толстой искал не только актуальные темы для изображения современности, но и новые формы воплощения образов русской литературы XIX в., в частности, усадьбы. В рассказах раздела «Минувшее» третьего тома «Сочинений» Толстого усадьба становится не только местом действия событий, но композиционным и семантическим центром, определяющим расстановку действующих лиц, художественные приемы и интертекстуальные связи произведения.

При создании художественного образа помещицы усадьбы писатель опирался не только на собственный опыт (как мы помним, формирование личности Толстого происходило под влия-

нием социальных, культурных и эстетических обстоятельств, связанных с повседневной жизнью усадеб (или хуторов) Самарской губернии), но и традиции классической литературы.

Литература

1. *Акимова А.С.* Образ дворянской усадьбы в рассказе А.Н. Толстого «Ночь в степи» // Новый филологический вестник. 2020. № 2(53). — С. 134–144.
2. А.Н. Толстой. Материалы и исследования. — М.: Наука, 1985. — 528 с.
3. *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. — СПб.: Наука, 1997–... Т. 7.
4. *Егорова О.Г.* Проблема циклизации в русской прозе первой половины XX века. Автореферат... доктора филологич. наук. Астрахань, 2004.
5. Киевская мысль. 1913. 12 ноября.
6. *Крестинский Ю.А.* А.Н. Толстой. Жизнь и творчество. (Краткий очерк). — М.: Изд-во Академии наук СССР. 1960. — 314 с.
7. Литература и искусство (прил. к газете «День»). 1913. 2 декабря.
8. *Михайловский Б.В.* Русская литература XX века с девяностых годов до 1917 г. — М.: Гос. учебно-педагогич. изд. Наркомпроса РСФСР, 1939. — 152 с.
9. *Поляк Л.М.* Алексей Толстой — художник. — М.: Наука, 1964. — 461 с.
10. Русские ведомости. 1913. № 98. 28 апреля. — С. 3–4.
11. Русское богатство. 1914. № 2. — С. 357–359.
12. Современные записки. 1914. № 1. — С. 207.
13. *Толстой А.Н.* Соч.: в 10 т. — М.: Кн-во писателей в Москве, 1911–1918. Т. 3. [1913]. 176 с.
14. La Cultura Sovietica (Советская культура). 1945. Anno I. — P. 93–100.

«— А вот и усадьба!..»

— А вот и усадьба!

Мальчики остановились.

Перед ними, высоко на горе, в гуще деревьев, стоял двухэтажный помещичий дом. Казалось, что у него несколько крыш и много дымовых труб. Большая полукруглая веранда, огороженная барьером из белых каменных столбиков, разделяла дом на две равные части. Над верандой возвышался мезонин с двумя окнами по бокам и нишей посередине. К дому, пересекая сад, вела широкая аллея, вначале ровная, земляная, затем в виде отлогих каменных ступеней, постепенно образующих каменную лестницу, двумя крыльями огибающую веранду.

Генка прищелкнул языком:

— Красиво?

Коровин с шумом втянул воздух:

— Хозяйство — вот что важно.

— А хозяйства там никакого нет, — заверил его Генка.

Анатолий Рыбаков (1911–1998) «Бронзовая птица» (1956) (отрывок)